
ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОЛЬКЛORA

УДК 82-131; 398.22

DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-100-108

Базовые этнические модели в формульных выражениях бурят

Л. С. Дампилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Употребление базовых универсальных моделей как этнически обозначенных формульных выражений занимает важную позицию в устном творчестве. Целью работы является выявление этнических особенностей в семантике образных выражений в разговорной речи бурят. В ходе анализа фразеологизмов и паремий определена их семантическая самостоятельность, установлена особенность формульных выражений исконно бурятского происхождения, которые фиксируют мировоззрение этноса, отражают внутренние и внешние, социальные и политические процессы. При наличии общемонгольского, собственно бурятского пласта образных выражений, используемых в речи, в ходе анализа определена особенность базовых стереотипов внутри этнических групп. В конструкции предложения выявлены стилистические приемы в формульных выражениях, создающие образность, эмоциональность, выразительность разговорной речи.

Ключевые слова

фразеологизмы, паремии, идентичность, семантика, стереотипы, ирония, сравнение, внутриэтнические контакты

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона») (№ 121031000259-6).

Для цитирования

Дампилова Л. С. Базовые этнические модели в формульных выражениях бурят // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50). С. 100–108. DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-100-108

Basic ethnic models in the formulaic expressions of the Buryats

L. S. Dampilova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

In the question of identity, the folklore text is one of the main markers of an ethnic group. The main task of the work is to identify the semantics of traditional short figurative expressions with archaic and ethnically special meanings of words preserved in the colloquial everyday speech of the Buryats. The source base consists of long-term field records of the author of the paper. Dictionaries and published collections of Buryat proverbs are used for comparison. For the first time, narrow-local dialect figurative expressions are ana-

© Л. С. Дампилова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 2 (вып. 50)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2024. No. 2 (iss. 50)

lyzed, which are not reflected in the publications on the folklore of the Buryats. To preserve the diversity of the Buryat language's vocabulary, it is important to decipher the semantics of forgotten formulaic expressions. The basic ethnic models in figurative stereotypes associated with the form of management of nomadic peoples, the inner world of man, and the tribal composition of the Barguzin Buryats are revealed. Archaic phraseological units remained in everyday speech as basic models of thinking of a certain ethnic group. From the point of view of stylistic coloring, these figurative expressions are actively used in ordinary colloquial speech, giving speech expressiveness and pithiness. The author determines semantics of stable statements in which historical, biographical, and everyday details closely related to the lifestyle of the Buryats are encoded. It is revealed that expressions about the tribal composition of the Buryats are associated with ritual actions accompanied by mythological legends. The functions of the main types of tropes, such as comparison, metaphor, epithet, irony, are defined in phraseological units, and the function of irony as a stylistic technique is noted.

Keywords

phraseological units, paroemias, identity, semantics, stereotypes, irony, comparison, intraethnic contacts

Acknowledgements

The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000259-6 'Peoples of the Baikal: Ethnocultural Identity in Architectonics of Folklore and Literary Texts'.

For citation

Dampilova L. S. // *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2024, no. 2 (iss. 50), pp. 100–108 (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2024-2-100-108

Введение

В данной статье рассматривается вопрос самоидентификации в формульных выражениях бурят с учетом концепции о том, что этническая идентичность связана с культурными процессами, а национальная – с концепцией гражданина. В теоретическом аспекте, в плане формирования содержательного начала самоидентификации, придерживаемся точки зрения А. Бадью, выделяющего два ключевых смысла: «положительный («я» поддерживает себя своей собственной способностью к различению») и отрицательный («я» защищает себя от порчи со стороны «другого»; оно должно блюсти свою чистоту, работать на очищение).

Диалектическая игра «созидания» и «очищения», идеи «развития себя» и установки на противопоставление «другому» определяет природу идентичности. Если признавать тот факт, что «великий принцип единства мира» не противоречит «нескончаемой игре тождеств и различий», что «идентичность» и «единства мира» органически совместимы, то следует осознавать и отстаивать необходимость «любой ценой поддерживать все, что позволяет творческой идентичности преобладать над очищающей идентичностью, – сознавая при этом, что последняя никогда полностью не исчезнет» [Бадью 2014. Электронный ресурс].

Постижение способов формирования и критериев оценки идентичности актуально в контексте исследований феномена сохранности, функционирования и трансформации специфичных для этноса текстов в разных регионах. Задачами в этой работе являются выявление семантики образных выражений в разговорной речи бурят, установление этнических базовых моделей в системе «постоянных эпитетов, устойчивых сравнений и тропов, «типических», «общих мест», тематических стандартов, стилистических клише, образных стереотипов и т.п.» [Мальцев 1989: 3]. Фразеологизмы, идиомы, паремии, обладающие определенной семантической неизменностью, рассматриваем в статье как образные выражения. Придерживаясь точки зрения лексикологов, считаем, что «обладающие целостным обобщенно-переносным значением паремии могут рассматриваться как фразеологизмы с замкнутой предикативной структурой» [Солодуб, Альбрехт 2002: 195].

В традиционных кратких образных выражениях, сохранившихся в разговорно-бытовой речи монгольских народов, зачастую требуется расшифровка этнически закодированной семантики. В формуле скрыт пласт народных представлений об окружающем мире, поведении и психологии человека, тесно связанных с их образом жизни. В «этнокультурной панораме» монгольских народов отмечается особая роль локальной фольклорной традиции в контексте общепурятских и общемонгольских материалов. Источником для статьи послужили многолетние полевые материалы автора (с 1995 по 2023 гг.), записанные у бурят эхиритского

племени в Баргузинской долине, переселившихся сюда в XVII в. с Верхоленья Иркутской губернии (ныне Качугский район Иркутской области). Все приведенные примеры проверены на их наличие во фразеологическом словаре, составленном на примерах из художественной литературы и публицистики XX–XXI вв. [ФСБЯ 2014], и в сборниках паремий. В случае присутствия данного фразеологизма в печатных источниках даны сноски. Примеры представлены в аутентичном диалектном произношении.

С лингвистической точки зрения изучением устойчивых сочетаний слов в монгольских языках занимались Т. А. Бертагаев, Ц. Б. Цыдендамбаев, Г. Ц. Пюрбеев, Л. Д. Шагдаров, Ш.-Н. Р. Цыденжапов, С. А. Хахалова, Ж. Баянсан, Д. Д. Санжина и др. Особо следует отметить труды Т. Б. Тагаровой о фразеологии бурятского языка в функционально-стилистическом аспекте [Тагарова 2002; 2008 2016]. К образным выражениям в произведениях устного народного творчества обращаются фольклористы, этнографы, литературоведы, культурологи в поисках «разнообразной этнокультурной информации, знакомства с обычаями и традициями народа» [Бурчина 2011: 227].

Этнические модели, связанные со скотоводством

В первую очередь в образных выражениях можно выделить базовые модели, тесно связанные с формой хозяйствования кочевых народов. Устойчивые афоризмы, выделенные в контексте разговорной речи, зачастую являются архаичными. Так, *hэбхээндэрээ hэб дараха* (досл. ‘пушистую шерсть придавить’) означает ‘завершить кропотливую работу’. Ныне вышедшее из употребления существительное *hэбхээндэр* ‘пушистая шерсть’ восходит к образному корню *hэбх-*, давшему прилагательное *hэбхигэр* ‘пушистый’. Преверб *hэб* образует сложный глагол *hэб гэхэ* ‘становиться легче, напр. по окончании какого-л. дела’ [БРС II: 580], при том, что глагол *дараха* ‘давить’ чаще сочетается с такими превербами, как *бала*, *биса*, *низа* и др. На наш взгляд, здесь преверб *hэб* использован, во-первых, для построения анафоры (*hэбхээндэр – hэб*), усиливающей эффект действия, во-вторых, с учетом значения *hэб гэхэ* ‘успокоиться’, поскольку выражение связано со старинной трудоемкой работой по изготовлению изделий из шерсти: «Пушистую шерсть в решетчатом ящике придавливали и в воде отмывали, чтобы делать плотную кошму» [ПМА 2000]. Выявлено, что фразеологизм имеет узлокальное употребление.

Архаичным представляется фразеологизм, записанный у того же информанта: *hэбүүндэ орилаан үхэрдли болохо* досл. ‘уподобиться скоту, ревушему над ребухой’ в значении ‘впасть в панику без причины’. В литературном языке слово *hэбhэн* означает ‘содержимое потрохов (желудка и брюшины) закалываемых животных’ [БРС II: 581]. В Бурятском корпусе¹ зафиксирован следующий пример с похожим фразеологизмом: *Баяд ноёднай барандаа Эрдэни гулаагайнгаа hэбhэн дээрэ бүрхирэлдэжэ, хоорондоху хоро үнөөгөө, хоб жэбээ тоосолдожо, алта мүнгөөрөө ама хамараа таглалсажа байна гэжэ хэлсэнэ* (Х. Намсараев) ‘Все наши богачи и нойоны впали в панику по поводу главы Эрдэни, стали выливать друг на друга ненависть и сплетни, затыкая друг другу глотки золотом и серебром’ (перевод наш. – Л. Д.).

Прямое значение выражения объяснила информант: «Если волки задирали корову, то сразу вспарывали ей живот, содержимое рубца выпадало, тогда остальной скот впадал в безумие. И сейчас, если забивают скот, то содержимое рубца всегда стараются спрятать подальше, чтобы скот не учуял. Почувствовав запах ребухи, он приходит в состояние ужаса и начинает безумно реветь» [ПМА 2000]. Подобные фразеологизмы сохранились в коллективной памяти как базовые модели мышления народа. С точки зрения стилистической окраски данные образные выражения активно употребляются в обычной разговорной речи, придавая речи выразительность и емкость. Для сохранения разнообразия и словарного богатства бурятского языка актуальна расшифровка самостоятельной семантики забытых выражений.

Помимо архаичных образных стереотипов в языке присутствуют как этнические маркеры прозрачные по семантике краткие выражения, связанные также с хозяйственной деятельностью скотоводов: *Үбүүни сагта үхүүжэм, үүсэйн сагта бодуужам* ‘Вот бы во время сенокоса

¹ Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru

умереть и при забое скота на зиму воскреснуть'. С юмористическим оттенком здесь коротко констатируется тяжелая работа во время сезона сенокоса и начало самого спокойного времени зимой, когда на зиму забивают скот и заготавливают мясо (*үүсэ*). Как один из наиболее используемых тропов в кратких изречениях можно выделить иронию: *Үхэхэдээ үнээн хүтэй болобо* 'После смерти корова молочной стала', которая соотносится по смыслу с русским высказыванием «О мертвых плохо не говорят». Еще одну особенность быта кочевника в саркастическом ключе открывает изречение: *Боомой мяха ехээр багаар эдээ гэжэ байдаг үгэй* 'Не важен объем съеденного мяса, зараженного сибирской язвой' [ПМА 2017]. Афоризм используют в контексте неизбежного отрицательного исхода событий. Все три примера, записанные от одного информанта, также имеют локальное употребление.

В образных выражениях завуалированы тонкие наблюдения скотоводов за миром животных: *Хониной оймаан уһа уугаад, шоно сададаг* 'Волк наедается, напившись воды, в которой бродили овцы' [ПМА 2021]. Вода, в которой бродили овцы, надолго приобретает их запах, поэтому голодному волку и это в радость. Общеизвестны в бурятском языке выражения, продолжающие тему волков и овец: «*Хониндо ороһон шоно шэнги*. Экспрес. Предосуд. Букв. К овцам вошедший волк будто. Как волк в овчарне. Кровожадным, жестоким быть» [ФСБЯ 2014: 422]; *Хонин байбал, шоно айлиалха* [Бальбунова 2020: 265] 'Где овцы, там и волки'.

Особым этническим подтекстом отличается красочный афоризм о человеке, равнодушном к своим детям: *хурьгаа голоон хонин шэнги* 'как овца, отказавшаяся от ягненка' [ПМА 2017]. Здесь явно возникает аллюзия к известной песне-заговору о приучении овцы к ягненку, восходящей к древней магической обрядовой поэзии монгольских народов. «Значимым представляется сведение, полученное у шэнэхэнских бурят: если мать не хочет видеть собственного ребенка, тогда берут дитя, уносят в степь и оставляют на тропе, по которой гонят табун лошадей. Услышав топот коней, мать инстинктивно бежит и хватается своего ребенка. Монголы говорят, что скачущие кони никогда не затопчут ребенка: *Давхиж яваа адуун сүрэг хүүхэд өндөг хоёрыг гишгэдэггүй* 'Скачущий табун не наступит ни на ребенка, ни на яйцо (птичье гнездо)'. Да, монголы коню верят больше, чем себе, поэтому такой эксперимент для не знающих традиции, кажется жестоким, а на самом деле пример показателен как выработанный веками ментальный код» [Дампилова 2023: 85].

В кратких выражениях монгольских народов особо востребован образ коня. О трепетном отношении к лошади можно судить по ярким эпитетам в названиях песен: *Хурдан морь* 'быстроногий скакун', *Армаг хурдан шарга* 'быстрый соловый аргамак', *Хөөрхэн шарга морь* 'милый соловый конь', *Дааган сайхан* 'прекрасный стригунок', *Эрх зээрд* 'своенравный рыжий' и др. Оригинальность и красочность следующей пословице придает стилистическая конструкция в виде метафорического сравнения времен года с образом коня, подчеркивающая этническую особенность видения мира через призму личного восприятия: *Хабарай тэнгэри хазаарта морин, / Намарай тэнгэри ногтото морин* 'Весеннее небо конь узде, / Осеннее небо конь в недоуздке' [ПМА 2021], [Бальбунова 2020: 142]. Более устойчивую весеннюю погоду сравнивают с конем в узде, узда держит коня крепко. Осенняя погода переменчивая и уподобляется коню в недоуздке, более свободному в движении. Поэтичность выражения в оригинале подчеркивает внутренняя аллитерация.

Множество образных выражений связано с конными скачками, победителями и отставшими в забеге. В следующем афоризме с ироническим оттенком подчеркивается, как худший участник неожиданно показывает лучший результат: *Урилдахадаа боод гүүн урай гараа* 'При соревновании стельная кобыла вышла вперед'. Дополняет тонкие наблюдения людей о поведении коней перед соревнованием высказывание: *урилдаани мориндо адли болоод гүйхэ* 'как конь перед стартом носиться' [ПМА 2017]. Так говорят про людей, которые, забыв обо всем, с большим воодушевлением собираются куда-л. По стилистической конструкции наиболее используемы сравнения коня с человеком, подчеркивающие их постоянную связь: *Дархан дор хүлэг, дахан дор эр* 'Под воином скакун, под шубой – мужчина' [ПМА 2019]; «*Хүлэг болохо унаганһаа, хүн болохо багаһаа*. Букв. Скакун с жеребенка, человек с детства (видны). Каков человек, видно с раннего возраста» [ФСБЯ 2014: 460]. Неразлучность коня и

человека с рождения и до смерти отражена в эпитетах, сравнениях, метафорах, используемых в построении кратких выражений.

Этнические модели, связанные с внутренним миром человека

В образной речи монгольских народов как этническую особенность можно выделить шуточное, ироничное употребление кратких и емких выражений, которые раскрывают отношение человека к какому-либо явлению или поведению человека. Если сказали про человека: *Хабатай дээрээ номтой болобо* 'Не только силен, но и образован стал', то это вовсе не означает похвалу. Выражение носит иронический подтекст, передавая совершенно противоположное значение: оно используется, когда у человека начинает что-либо болеть, добавок к прежним болезням, ему соответствует русское выражение «Не понос, так золотуха».

Завуалированно, с явным оттенком затаенной насмешки, без положительной маркировки, высказываются о недостатках людей: *Аруундаа багтаххаа болёод ябана* 'В шкуру свою не вмещается, (так возгордился)' или *Шэлэ шэлээр иэшүүхэн дээрэ хууха* 'Выбирал-выбирал и в жидкое дерьмо сел' [ПМА 2021]. В подобном же смысле бытует и другой фразеологизм *Магтуулаан басаган наадан дээрээ унгаа* 'Хваленая невеста на своей свадьбе воздух испортила', что тоже означает 'оказаться в невыгодном положении'. Использование иронии в зависимости от контекста приобретает разный эмоциональный оттенок: если невеста долго отказывает женихам и в итоге выходит замуж за худшего кандидата, то тут проскальзывает явный признак злорадства, а если выбрал и купил не ту вещь, получив неудачный результат, то здесь передается только сожаление. В бурятских выражениях легкая ирония может переходить в насмешку и достигать крайней степени сарказма: *хүнэй голдо гутуутя орохо* 'в душу с сапогами залезть', так говорят в случае, если кто-то, нарушая все правила этикета, позволяет себе наглое поведение.

Образные стереотипы, касающиеся поведения людей, чаще могут относиться к общечеловеческим ценностям, но в некоторых высказываниях явно присутствует этнический колорит. В «Толковом словаре бурятского языка» приводится баргузинское выражение: *Бурхан дуугарбуу, буряад дуугарбуу* 'То ли бурят сказал, то ли бог изрек', передающее ироничное удивление от чьего-либо неожиданного высказывания с примером: *Жамсаран машинаа заһажа дууһахаа байнам гэхэдэнь бурхан дуугарба уу, буряад дуугарба уу гэжэ ханаабди* [ТСБЯ 2022: 313] 'Когда Жамсаран сказал, что вот-вот закончит ремонт машины, мы подумали: «То ли бурят сказал, то ли бог изрек»'. Не менее колоритным является фразеологизм *гахайн ялада орохо* досл. 'задолжать свинью', используемый в значении 'быть в неискупимом долгу'. В связи с тем, что кочевые монгольские народы не разводили свиней, отдать долг этим животным представлялось невозможным.

Выделяются непрозрачные по смыслу образные стереотипы, трансформировавшиеся в разных регионах и получившие новое семантическое наполнение. Слово сочетание *дойбод сохихо* сегодня почти не употребляется в прямом значении 'играть в шашки'. В «Толковом словаре бурятского языка» дано следующее объяснение фразеологизма *дойбод сохихо*: *мэхэ гого гарган, зарим нэгэ таагүй юмэ хэхэ, бүтээхэ, саагуур наагуур орохо* 'сделать ход конём' [ТСБЯ 2022: 605]. Во фразеологическом словаре он означает «бить баклуши, заниматься плутнями, делать хитрый ход» [ФСБЯ 2014: 141]. Если в данном случае наблюдается явная негативная оценка человека, то в следующем формульном выражении к идиоме дополняется направление сторон света, смысл единицы меняется: *Долоон тээ дойбод сохихо* [ПМА 2010]. Дословный перевод: 'в семи [сторонах света] играть в шашки'. Толкование фразеологизма с пометой, указывающей на его бытование в баргузинском говоре, приведено в ТСБЯ: *нэгэ зэргэ олон юмэ хэжэ байгаад нэгыеньшые дүүргэхэгүй* 'делать одновременно несколько разных дел и ни одно не закончить' [ТСБЯ 2022: 605]. Возможно, формульная единица используется в подобном варианте только у эхиритов Баргузинского района. По конструкции происходит трансформация формулы из свернутой в развернутую форму с утратой отрицательной семантики. К литературному варианту *дойбод сохихо* 'делать ход конем' добавлено аллитерационно близкое числительное *долоон* 'семь'. Если быстрое, как бы хаотичное

движение шашек на доске является поводом для сравнения с неадекватным бестолковым поведением человека, то дополнение числового кода расширяет сферу действия.

Образные высказывания об истории родов эхиритского племени

Как еще одну этническую особенность мировидения монгольских народов можно выделить обязательное знание каждым человеком истории своего племени, рода до семи поколений своих предков либо до тотемных первопредков. Базовую этническую модель представляют клише, характеризующие отдельные бурятские роды с оттенками уважения, иронии или констатации событий и фактов. Каждый род имел свои места поклонений родовым божествам и хозяевам местности, поэтому числовые коды, характеризующие род, были необходимы для обряда жертвоприношений. Семья двух братьев эхиритского племени на совместных обрядах презентует себя: *Шонойн долоон, Мэлзэйн найман* 'Семеро Шоноевых, восемь Мэлзеевых'. По сведению информанта, если молится только род *шоно*, стараются не упоминать имя второго рода, потому что считается опасным лишним раз поклоняться роду *мэлзэ* без особых обстоятельств.

Краткие завуалированные изречения, характеризующие тот или иной род, имеют и более развернутую расшифровку: *Шонойн долоон, Шобхонойн найман* 'Семеро Шоноевых, восемь Шобхоноевых'. В данном случае считается, будто бы так высказалась жена Шоно Шобхоной, посчитав и мужа в числе своих детей, подчеркивая этим свое главенствующее положение в семье. Сохранились многочисленные предания о ее силе и ловкости, она лучше любого мужчины могла справиться с тяжелой работой, метко стреляла из лука. Есть такое национальное состязание, как разбивание руками хребтовой кости крупного рогатого скота (*Һээр шаалга*). Шобхоной была настолько искусна в этом деле, что ломала кость, держа руки за спиной, что доказывало ее мастерство, недюжинную силу и превосходство над всеми [ПМА 2021].

У эхиритов два больших рода *шоно* и *Һэлдэгэр*, в кратких изречениях не только дается характеристика, но и их отношения между собой. В выражениях решающее значение имеет позиция стороны, раскрывающей контекст: *Һэнгэлдэр басагад Һэлдэгэр Һалдагар, шонойн басагад шубуу галуунда адли* 'Девушки рода *Һэнгэлдэр* растрепухи-распустехи, а девушки рода *шоно* подобны гусям-лебедям'. Не зная подтекста, можно просто констатировать факт о превосходстве девушек из рода *шоно*. Но есть предание о конкретном случае, после которого появилось это устойчивое высказывание: на свадьбу пришли девушки рода *шоно* нарядные и разукрашенные, а девушки рода *Һэнгэлдэр* были трудолюбивые, поэтому после работы, не успев собраться на должном уровне, явились в рабочем виде [ПМА 2000].

У большого рода *Һэнгэлдэр* есть подрод *ходой*, характер которого определяет образное выражение: *Ходой хүн ходорхой, Хоохон түйсэ мухархай* 'Человек рода *ходой* не хваткий, пустой тусок неустойчивый'. В формуле отмечается, что люди этого рода не жадные, всем, что имеют, всегда поделятся, помогут. По мифологии считается, что хозяйка горы Хугшол (*Хүгшөөл*) из рода *ходой*, поэтому сюда ездят поклоняться ее родичи, ей нельзя приносить в жертву водку, только молоко [ПМА 2021].

Также к подроду *Һэнгэлдэр* относится род *ехүү*. В высказывании об этом роде закодирована мифологическая история, связанная с основой основ всех бурятских родов – их местом поклонения. Основное изречение звучит так: *Үхээшэ бодоошоо мэдхүэй, үхэр хара ехүү* 'Не понимающие, живы или мертвы, [недалекие], как скот, чёрные ехүү'. С ним часто звучит более интригующее определение: *ерэн боохолдой даахуулаан* 'девяносто чертей ведущие за собой'. Образно их сравнивают с простым скотом, как людей, не знающих свою малую родину (*тоонто*). Считается, что, проводя обряды, где придется, не зная своих корней, своего родового места поклонения, они тревожат духов чужих мест, которые преследуют их повсюду [ПМА 2021]. По традиционной мифологии, нельзя поклоняться на чужих святилищах, не зная их правила, их духи проснутся и будут просить жертвоприношения.

В кратких образных выражениях зачастую высказывается начало идеи, а остальной текст либо подразумевается, либо требует расшифровки: *Долоон тээгээ дүлэтэй, / Найман тээгээ наратай / Байхатнай болтогой!* 'С семи сторон с очагом, / С восемью сторонами с солнцем /

Пребывайте! [ПМА 2016]. По объяснению информанта, в этом благопожелании ближний круг своего мира составляет твой род, твоя семья, т.е. те, с кем у вас общий очаг. А следующий круг составляют друзья, греющие, как солнце. Возможно и другое прочтение данного выражения: цифровая символика *долоон* и *найман*, также подчиняясь анафорической системе и внутренней рифме (*долоон – дүлэн, найман – наран*) кодируют сакральные числа семь и восемь. Семь (луна) кодирует отцовское единокровное родство, восемь (солнце) обозначает материнское начало. Можно предположить, что содержание образных выражений очень емкое, они могут по-разному толковаться в зависимости от знания традиций. Определена семантика образных высказываний, в которых зашифрованы исторические, биографические, бытовые детали различных родовых общин баргузинских бурят. Выявлено, что данные афоризмы тесно связаны с родовыми обрядами и их реальными и мифологическими историями.

Заключение

Употребление этнически обозначенных устойчивых образных выражений как базовых универсальных моделей занимает важную позицию в устном творчестве. Выявлены базовые этнические модели в высказываниях, связанных с формой хозяйствования кочевых народов, внутренним миром человека, родоплеменным составом бурят. Установлена устойчивость базовых моделей во фразеологизмах исконно бурятского происхождения, которые определяют «способности фразеологических знаков отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как “остов” его ментальности, и выражать его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах различных типов» [Телия 1999: 15]. При наличии общемонгольского, собственно бурятского пласта фразеологизмов, используемых в речи, в ходе анализа образных выражений определена этническая особенность базовых стереотипов внутри этнических групп. Выявлены стилистические приемы в формульных выражениях, создающие образность, эмоциональность, выразительность разговорной речи. Определены функции основных видов тропов, таких как сравнение, метафора, эпитет, ирония. Установлена семантика слов, используемых в переносном значении, трансформация смысла в развернутых и кратких образных выражениях.

Список литературы

- Бадью А.* Коммунизм приезжего: афинская лекция. 2014. 25 января // URL: <http://gefter.ru/archive/11873> (дата обращения 20.10.2017).
- Бурчина Д. А.* Фразеологизмы в улигерах бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 10. С. 227–233.
- Мальцев Г. И.* Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л.: Наука, 1989. 168 с.
- Дамтилова Л. С.* Сохранность и трансформация фольклорных традиций бурят России, Монголии, Китая. Иркутск: Оттиск, 2023. 216 с.
- Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б.* Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект). М.: Флинта: Наука, 2002. 264 с.
- Тагарова Т. Б.* К изучению фразеологических единиц бурятского языка как элементов лингвокультуры // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 246–254.
- Тагарова Т. Б.* Функционирование фразеологических единиц бурятского языка в газетно-публицистическом стиле. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. 176 с.
- Тагарова Т. Б.* Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 341 с.
- Телия В. Н.* Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: материалы II междунар. конф., 12–14 мая 1999 г. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999. Ч. 3. С. 14–15.

Список источников

Бальбурова Б. Ц.-Е. Буряад арадай оньһон үгэ. Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ: ООО «Форвард», 2020. 366 с.

ПМА - полевые материалы автора, 2000 – Зап. от Аюшеевой Бальжин Митаповны, 1922 г. р., род һэнгэлдэр, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия, соб. Л.С. Дампилова.

ПМА- полевые материалы автора, 2017 – Зап. от Хубракова Радны Балдановича, 1957 г. р., род галзууд, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия, соб. Л.С. Дампилова.

ПМА- полевые материалы автора, 2021 – Зап. от Сундуевой Зинаиды Цыремпиловны, 1944 г. р., род шүбтэхэй шоно, заимка Чилир Баргузинского района Республики Бурятия, соб. Л.С. Дампилова.

ПМА- полевые материалы автора, 2021 – Зап. от Бадмаевой Екатерины Митаповны, 1928 г. р., род һэнгэлдэр, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия, соб. Л. С. Дампилова.

ПМА- полевые материалы автора, 2019 – Зап. от Поогоо Чултэмсурэна, 1972 г. р., г Улан-Батор, Монголия, соб. Л. С. Дампилова.

ПМА- полевые материалы автора, 2016 – Зап. от Бубеева Санжибо Цыреновича, 1924 г. р., род шүбтэхэй шоно, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия. Соб. Л. С. Дампилова.

ТСБЯ – Сундуева Е. В., Бальжинимаева Ц. Ц., Бабуев С. Д., Цыренов Б. Д. Толковый словарь бурятского языка. Т. I. А–Д. Улан-Батор: Нандир, 2022. 719 с.

ФСБЯ – Фразеологический словарь бурятского языка / сост. Т. Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 565 с.

БРС – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т. II. О–Я. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2008. 708 с.

References

Badiou A. *Kommunizm priezzhego: afinskaya lektsiya. 2014. 25 yanvary* [The communism of the newcomer: an Athenian lecture. 2014. 25th of January]. URL: <http://gefter.ru/archive/11873> (data obrashcheniya 20.10.2017). (In Russ.)

Burchina D. A. *Frazeologizmy v uligerakh buryat* [Phraseological units in the uligers of the Buryats]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 10, p. 227–233. (In Russ.)

Mal'tsev G. I. *Traditsionnye formuly russkoy narodnoy neobryadovoy liriki* [Traditional formulas of Russian folk non-ritual lyrics]. Leningrad, Nauka, 1989, 168 p. (In Russ.)

Dampilova L. S. *Sokhrannost' i transformatsiya fol'klornykh traditsiy buryat Rossii, Mongolii, Kitaya* [Preservation and transformation of folklore traditions of the Buryats of Russia, Mongolia, and China]. Irkutsk, Ottisk, 2023, 216 p. (In Russ.)

Solodub Yu. P., Al'brekht F. B. *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika i frazeologiya (sopostavitel'nyy aspekt)* [Modern Russian language. Vocabulary and phraseology (comparative aspect)]. Moscow, Flinta, Nauka, 2002, 264 p. (In Russ.)

Tagarova T. B. *K izucheniyu frazeologicheskikh edinits buryatskogo yazyka kak elementov lingvokul'tury* [To study the phraseological units of the Buryat language as elements of linguistic culture]. *Sibirskiy filologicheskij zhurnal*, 2016, no. 2, p. 246–254. (In Russ.)

Tagarova T. B. *Funktsionirovanie frazeologicheskikh edinits buryatskogo yazyka v gazetno-publitsisticheskom stile* [The functioning of phraseological units of the Buryat language in a newspaper and journalistic style]. Irkutsk, Irkutsk State University, 2002, 176 p. (In Russ.)

Tagarova T. B. *Kontseptual'no-pragmaticheskaya kharakteristika frazeologicheskikh edinits buryatskoy khudozhestvennoy prozy* [Conceptual and pragmatic characteristics of phraseological units of Buryat fiction]. Irkutsk, Irkutsk State University, 2008, 341 p. (In Russ.)

Teliya V. N. Osnovnye postulaty lingvokul'turologii [The main postulates of linguoculturology]. In: *Filologiya i kul'tura: materialy II mezhdunar. konf., 12–14 maya 1999 g.* [Philology and culture: coll. of sci. art.]. Tambov: Tambov. State University, 1999, part 3, p. 14–15. (In Russ.)

List of sources

Buryaad araday on'hon üge. Poslovitsy i pogovorki buryat [Proverbs and sayings of the Buryats]. Comp. by B. Ts.-E. Bal'burova. Ulan-Ude, OOO "Forvard", 2020, 366 p.

Frazeologicheskiy slovar' buryatskogo yazyka [Phraseological dictionary of the Buryat language]. Comp. by T. B. Tagarova. Irkutsk, Izd-vo IGU, 2014. 565 s.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2000 – Zap. ot Ajusheevoy Bal'zhin Mitapovny, 1922 g. r., rod hjengjeldjer, s. Bajangol Barguzinskogo rajona Respubliki Burjatija, sob. L.S. Dampilova.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2017 – Zap. ot Hubrakova Radny Baldanovicha, 1957 g. r., rod galzuud, s. Bajangol Barguzinskogo rajona Respubliki Burjatija, sob. L.S. Dampilova.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2021 – Zap. ot Sunduevoj Zinaidy Cyrempilovny, 1944 g. r., rod shybtjehjej shono, zaimka Chilir Barguzinskogo rajona Respubliki Burjatija, sob. L.S. Dampilova.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2021 – Zap. ot Badmaevoy Ekateriny Mitapovny, 1928 g. r., rod hjengjeldjer, s. Bajangol Barguzinskogo rajona Respubliki Burjatija, sob. L. S. Dampilova.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2019 – Zap. ot Poogoo Chultjemsurjena, 1972 g. r., g Ulan-Bator, Mongolija, sob. L. S. Dampilova.

Polevye materialy avtora [author's field materials], 2016 – Zap. ot Bubeeva Sanzhibo Cyrenovicha, 1924 g. r., rod shybtjehjej shono, s. Bajangol Barguzinskogo rajona Respubliki Burjatija. Sob. L. S. Dampilova.

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryad-orod toli. V dvukh tomakh [Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols.]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2008, vol. 2 (O–Ya), 708 p.

Sundueva E. V., Bal'zhinimaeva Ts. Ts., Babuev S. D., Tsyrenov B. D. *Tolkovy slovar' buryatskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Buryat language], vol. 1. A–D, Ulan-Bator, Nandir, 2022, 719 p.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.02.2024

Сведения об авторе

Дампилова Людмила Санжибоевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

ORCID 0000-0003-0917-5432

Information about the Author

Liudmila S. Dampilova – Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: dampilova_luda@rambler.ru

ORCID 0000-0003-0917-5432